Гоголь

Автор:
Андрей Белый

Гоголь

Андрей Белый

«Самая родная, нам близкая, очаровывающая душу и все же далекая, все еще не ясная для нас песня – песня Гоголя. И самый страшный, за сердце хватающий смех, звучащий, будто смех с погоста, и все же тревожащий нас, будто и мы мертвецы, – смех мертвеца, смех Гоголя!..»

Андрей Белый

Гоголь

I

Самая родная, нам близкая, очаровывающая душу и все же далекая, все еще не ясная для нас песня – песня Гоголя.

И самый страшный, за сердце хватающий смех, звучащий, будто смех с погоста, и все же тревожащий нас, будто и мы мертвецы, – смех мертвеца, смех Гоголя!

«Затянутая вдали песня, пропадающий далече колокольный звон… горизонт без конца… Русь, Русь!» (Мертвые души) и тут же, строкой выше – в «полях неоглядных» «солдат верхом на лошади, везущий зеленый ящик с свинцовым горохом и подписью „такой-то артиллерийской батареи“» (Мертвые души). Два

зрения, две мысли; но и два творческих желания; и вот одно: «Облечь ее в месячную чудную ночь и ее серебряное сияние, и в теплое роскошное дыхание юга. Облить ее сверкающим потоком солнечных ярких лучей, и да исполнится она нестерпимого блеска» (Размышление «pro domo sua»[1 - «pro domo sua» (латин.) – по поводу себя, для себя, в свою пользу.] по поводу ненаписанной драмы). А другое желание заключалось в том, чтобы «дернуть» эдак многотомную историю Малороссии без всяких данных на это.

«Глаза… с пением вторгавшиеся в душу» (Вий). Всадник, «отдающийся» (вместо отражающийся) в водах (Страшная месть). «Полночное сиянье… дымилось по земле» (Вий). «Рубины уст… прикипали… к сердцу» (Вий). «Блистательная песня соловья» (Майская ночь). «Волосы, будто светло-серый туман» (Страшная месть). «Дева светится сквозь воду, как будто бы сквозь стеклянную рубашку» (Страшная месть). «Из глаз вытягиваются клещи» (Страшная месть). «Девушки… в белых, как убранный ландышами луг, рубашках» и с телами, «сваянными из облаков», так что тела просвечивали месяцем (Майская ночь). Быть может, чрез миг ландышевая белизна их рубашек станет стеклянной водой, проструится ручьем, а ручей изойдет дымом или оборвется над камнем пылью у Гоголя, как валится у него серой пылью вода (Страшная месть), чтобы потом засеребриться, как волчья шерсть (Страшная месть), или под веслами сверкнуть, «как из-под огнива, огнем» (Страшная месть).

Что за образы? Из каких невозможностей они созданы? Все перемешано в них: цвета, ароматы, звуки. Где есть смелее сравнения, где художественная правда невероятней? Бедные символисты: еще доселе упрекает их критика за «голубые звуки»: но найдите мне у Верлёна, Рембо, Бодлера образы, которые были бы столь невероятны по своей смелости, как у Гоголя. Нет, вы не найдете их: а между тем Гоголя читают и не видят, не видят доселе, что нет в словаре у нас слова, чтобы назвать Гоголя; нет у нас способов измерить все возможности, им исчерпанные: мы еще не знаем, что такое Гоголь; и хотя не видим мы его подлинного, все же творчество Гоголя, хотя и суженное нашей убогой восприимчивостью, ближе нам всех писателей русских XIX столетия.

Что за слог!

Глаза у него с пением вторгаются в душу, а то вытягиваются клещами, волосы развеваются в бледно-серый туман, вода – в серую пыль; а то вода становится стеклянной рубашкой, отороченной волчьей шерстью – сиянием. На каждой странице, почти в каждой фразе перехождение границ того, что есть какой-то

новый мир, вырастающий из души в «океанах благоуханий» (Майская ночь), в «потопах радости и света» (Вий), в «вихре веселья» (Вий). Из этих вихрей, потопов и океанов, когда деревья; шепчут свою «пьяную молвь» (Пропавшая грамота), когда в экстазе человек. Как и птица, летит… «и казалось… вылетит из мира») (Страшная месть), рождались песни Гоголя; тогда хотелось ему песню свою «облечь… в месячную чудную ночь… и облить ее сверкающим потоком солнечных ярких лучей, и да исполнится она нестерпимого блеска.» (из «Набросков» Гоголя). И Гоголь начинал свое мироздание: в глубине души его – рождалось новое пространство, какого не знаем мы; в потопах блаженства, в вихрях чувств извергалась лава творчества, застывая «высоковерхими» горами, зацветая лесами, лугами, сверкая прудами: и те горы – не горы: «не задорное ли море выбежало из берегов, вскинуло вихрем безобразные волны, и они, окаменев, остались неподвижными в воздухе» (Страшная месть). «Те леса – не леса… волосы, поросшие на косматой голове деда»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«pro domo sua» (латин.) – по поводу себя, для себя, в свою пользу.

Купить: https://tellnovel.com/ru/andrey-belyy/gogol

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить